

Русская революция и анархизм

**Доклады читанные на съезде
Коммунистов-Анархистов, в
октябре 1906 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская революция и анархизм: Доклады читанные на съезде Коммунистов-Анархистов, в октябре 1906 года / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 88 с.

ISBN 978-5-517-99980-1

ISBN 978-5-517-99980-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАКЛЮЧЕНІЯ СЪБЪЗДА.

I. — Политическая и экономическая революція.

1. — Наша цѣль — социальная революція, т. е. полное уничтоженіе Капитализма и Государства, и замѣна ихъ Анархическимъ Коммунизмомъ. Эту конечную цѣль мы всегда должны имѣть въ виду, и ею мы должны руководиться въ оцѣннѣ совершающихся событій.

Характеръ революціи, начавшейся въ Россіи, уже опредѣлился. Она происходитъ не въ видѣ уличнаго бунта, ведущаго къ созыву парламента, а въ видѣ народной революціи, которая продлится нѣсколько лѣтъ, низвергнетъ старый порядокъ вообще и глубоко измѣнитъ всѣ экономическія отношенія, вмѣстѣ съ политическимъ строемъ.

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ мы и должны вести борьбу противъ стараго строя. Дѣлать ее во времени на два періода: одинъ для полученія представительнаго правленія, а другой — для полученія экономическихъ реформъ, — мы считаемъ положительно невозможнымъ. Мы утверждаемъ, наоборотъ, что народъ только то и получитъ отъ революціи, въ области экономической, что онъ самъ возьметъ революціоннымъ путемъ. Самое „революціонное“ Учредительное Собраніе будетъ только сдѣлкой между старымъ порядкомъ и новымъ, и сможетъ только утвердить на бумагѣ то, что народъ сдѣлаетъ на дѣлѣ.

Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы могли относиться безучастно къ борьбѣ, ведущейся теперь противъ самодержавія. Мы боремся противъ Государства, но не въ отвлеченной идеѣ, а въ тѣхъ формахъ, которыя оно принимаетъ въ жизни народовъ. Поэтому, мы боремся противъ него всегда и вездѣ, и очевидно не можемъ не бороться противъ самаго худшаго его воплощенія — самодержавія, которое представляетъ собою самую сильную и самую стойкую форму государства, — самый сильный оплотъ крупнаго землевладѣнія и капитализма — самое ужасное орудіе богатыхъ и властныхъ для доведенія народа до нищеты и духовнаго рабства.

Чѣмъ сильнѣе — именно теперь — будетъ наша борьба противъ русскаго самодержавнаго государства, чѣмъ больше будетъ доля народа, а вмѣстѣ съ народомъ — и наша доля въ ниспроверженіи теперешняго самовластья опричниковъ, — тѣмъ слабѣе будетъ та новая форма государственнаго гнета, которая можетъ создаться на развалинахъ самодержавія.

Если мѣсто самодержавія заступитъ всероссійскій парламентъ, то чѣмъ сильнѣе выступятъ народныя массы въ сверженіи самодержавія, и чѣмъ больше будетъ ихъ участіе въ созиданіи новыхъ, мѣстныхъ формъ жизни страны, — тѣмъ слабѣе будетъ власть буржуазіи и помѣщиковъ въ парламентѣ, и тѣмъ легче будетъ вести дальнейшую борьбу.

Въ Думѣ намъ дѣлать нечего: у насъ есть своя работа. Но наша работа — вовсе не въ томъ, чтобы бороться противъ сторонниковъ Думы, которые борются съ самодержавіемъ. Наше дѣло — въ томъ, чтобы проводить въ народныя массы идею захвата народомъ всего того что нужно для жизни и производства — земли, фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. — и бороться, вмѣстѣ съ народомъ, противъ мѣръ, которыя законодатели захотятъ принять въ интересахъ капитализма и государственной централизаціи.

Наше мѣсто всегда, вездѣ — среди народа, вмѣстѣ съ народомъ, чтобы Русская Революція была шагомъ впередъ сравнительно съ революціей французской и американской.

II. О грабежѣ и экспроприаціи.

На нашемъ съѣздѣ мы тщательно обсуждали вопросъ о такъ называемой „экспроприаціи“, личной и групповой, и собирались изложить наши мысли въ видѣ докладовъ и заключеній.

Мы хотѣли указать на необходимость удержать слово „экспроприація“ для такого насильственного отчужденія земли, фабрикъ, заводовъ, домовъ и т. д., которое производится цѣлымъ обществомъ — сельскимъ, городскимъ и т. д. — въ интересахъ всей деревни, города, области или народа; а не употребить его для обозначенія актовъ личнаго или группового присвоенія средствъ, — хотя бы и въ видахъ революціонныхъ.

Стремясь къ экспроприаціи земли и всѣхъ средствъ производства русскимъ народомъ, намъ не слѣдуетъ, думали мы, заранѣе съуживать смыслъ этой великой идеи — основѣ всего коммунистическаго міросозерцанія.

Мы хотѣли также указать на опасность, которая представлялась бы для всякой революціонной партіи — тѣмъ болѣе, во время революціи — если бы захватъ денегъ, гдѣ попало, хотя бы и на строго революціонныя дѣла, вошелъ въ программу дѣятельности партіи и черезъ то получилъ бы широкое распространеніе. Признавая вполне всѣ необходимости боевого времени, мы хотѣли показать, какъ умноженіе актовъ грабежа всегда деморализовало арміи, допускавшія его, какъ средство жизни въ непріятельской странѣ; и мы хотѣли напомнить, какъ во время Великой Французской революціи дѣло дошло до того, что вокругъ крайнихъ революціонныхъ партій, имѣвшихъ въ виду общее благо, развилось такое множество людей преслѣдовавшихъ цѣли личной наживы, — что об-

щественное мнѣніе наконецъ не могло разбираться между тѣми и другими. Этимъ и воспользовались, конечно, сперва умѣренные, а потомъ реакціонныя партіи, чтобы поднять общественное мнѣніе трудящагося народа противъ крайнихъ революціонеровъ, и задушить ихъ, а съ ними — задушить и Революцію вообще.

Мы хотѣли изложить эти и другія соображенія.

Но за послѣднія двѣ-три недѣли, дѣла въ Россіи приняли опять новый оборотъ. Царское правительство ввело военно-полевые суды, и эти суды принялись беспощадно казнить всѣхъ революціонеровъ, обрушиваясь съ особою яростью, на тѣхъ, которыхъ захватываютъ на грабежѣ, или только подозрѣваютъ въ соучастіи.

Каждодневно, повсемѣстно идутъ казни, и въ тюрьмахъ вѣшаютъ безъ конца, даже юношей, безъ всякаго суда и разбора, утверждая, что вѣшаютъ за грабежъ. И каждый день геройски умираютъ революціонеры, отдавая свои молодые жизни за дѣло освобожденія русскаго народа.

Спокойно разсуждать теперь, о томъ насколько цѣлесообразно для революціи грабить государственныя и общественныя учрежденія, — нѣтъ никакой возможности. Когда правительство свирѣпо набрасывается и казнить безъ разбора за грабежъ, а само, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо, открыто организуетъ разбои, грабежъ и убійство на улицахъ черезъ черныя сотни; когда погромы и разграбленія евреевъ организуются даже въ министерствахъ съ одобренія петергофскаго дворца, а у убиваемыхъ черносотенцами нѣтъ даже оружія для самозащиты — въ такихъ условіяхъ разсужденія безсильны. Дѣйствуя такимъ образомъ, правительство, само толкаетъ всѣхъ на всеобщій грабежъ и заранѣе оправдываетъ всякое насиліе.

Все что мы можемъ сдѣлать, поэтому, это — напомнить товарищамъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ мы не должны упускать главныхъ, великихъ задачъ Революціи.

Понятно, что когда между чиновничествомъ, окружающимъ самодержавный престолъ, и русскимъ народомъ началась война на жизнь и смерть, и когда правители

Россіи не останавливаются даже передъ такими средствами, какъ вѣшанье малолѣтнихъ безъ суда, какъ избіевіе женщинъ и дѣтей на улицахъ и организація грабежа и погромовъ государственными средствами, — при такихъ условіяхъ, о нравственныхъ началахъ трудно разсуждать.

Но, все-таки, главная, всемогущая, все-побѣждающая сила Революціи — не въ ея матеріальныхъ средствахъ. Матеріально, всякая революція слабѣе Государства, такъ какъ всякая революція дѣлается меньшинствомъ. Главная сила революціи — въ ея нравственномъ величій, въ величій преслѣдуемыхъ ею цѣлей для блага всего народа, въ сочувствіи, которое она встрѣчаетъ въ массахъ, во впечатлѣніи, которое она производитъ на милліоны людей, — въ ея обаяніи. А эта сила всецѣло зависитъ отъ началъ, проводимыхъ ею въ жизнь.

Безъ этой нравственной силы, никакая революція никогда не была бы возможна. Ее — мы и должны беречь больше всего, — каковы бы ни были минутныя условія борьбы.

А сохранить эту нравственную силу Революціи мы можемъ только тогда, если будемъ помнить, всегда и вездѣ, какъ это и дѣлаютъ повсемѣстно русскіе крестьяне, что цѣль революціи — не переходъ богатствъ изъ однихъ частныхъ рукъ въ другія, — а переходъ ихъ изъ частныхъ рукъ въ руки общества, массы народа.

Къ этой высокой общественной цѣли и должны мы стремиться прежде всего, помня, что достигъ ея нельзя въ одиночку; что для этого нужно совмѣстное дѣйствіе массъ народа; и что поэтому нужно строго беречь нравственный обликъ, съ которымъ русскій революціонеръ до сихъ поръ всегда являлся передъ русскимъ народомъ.

III. — Обь актахъ личнаго и коллективнаго протеста.

Въ нашей литературѣ неоднократно указывалось на неизбежность тѣхъ актовъ индивидуальнаго или коллективнаго протеста противъ опоръ современнаго общественнаго строя, которые носятъ названіе террора. Въ революціонное время они служатъ часто признакомъ общественнаго пробужденія и поднимаютъ духъ независимости въ массѣ. Они подають примѣръ личнаго героизма на служеніе общественному дѣлу и тѣмъ самымъ будятъ равнодушное большинство; вмѣстѣ съ тѣмъ они подрываютъ вѣру въ могущество политическихъ и экономическихъ угнетателей. Въ революціонную же эпоху они становятся общимъ явленіемъ, и не однѣ только исключительно героическія личности отвѣчаютъ вооруженнымъ отпоромъ на давящій ихъ гнетъ. Въ такое время не нужно даже быть принципиальнымъ революціонеромъ, чтобы почувствовать этого рода актамъ. Но, признавая это общее положеніе, необходимо однако помнить, что значеніе каждаго террористическаго акта измѣряется его результатами и производимымъ имъ впечатлѣніемъ.

Это соображеніе можетъ служить мѣриломъ того какого рода акты содѣйствуютъ революціи, и какіе могутъ оказаться напрасной тратой жизни и силъ. Первое условіе, которое ставитъ жизнь, это — чтобы данный террористическій актъ былъ понятенъ всякому безъ длинныхъ объясненій и сложной мотивировки. Есть личности, настолько извѣстныя своею дѣятельностью (все равно, въ цѣлой ли странѣ или среди населенія данной мѣстности), что при извѣстии о нападеніи на нихъ каждому тотчасъ же, безъ помощи революціонныхъ изданій, вспоминается ихъ прошлое, и террористическій актъ представляется совершенно яснымъ. Если же для пониманія даннаго акта, человѣку изъ массы, не революціонеру, приходится продѣлать цѣлую головоломную работу, то вліяніе его сво-

дится на нуль, или даже оказывается отрицательнымъ; актъ протеста превращается тогда въ глазахъ массы въ непонятное убійство.

Дѣленіе террора на политическій и экономическій, на центральный или „разлитой“, мы находимъ совершенно искусственнымъ. Мы боремся одинаково съ экономическимъ и политическимъ гнетомъ, съ гнетомъ центрального правительства, какъ и съ гнетомъ мѣстной власти.

Есть въ вопросѣ о террорѣ другая сторона — организационная. Мы считаемъ, что террористическій актъ есть дѣло рѣшимости отдѣльной личности или кружка помогающихъ ей товарищей; поэтому централизованный терроръ, въ которомъ дѣйствующая личность играетъ роль исполнителя чужихъ рѣшеній, противенъ нашимъ понятіямъ. Какъ мы не считаемъ возможнымъ удерживать товарищей отъ революціонныхъ актовъ во имя партійной дисциплины, такъ точно мы не считаемъ возможнымъ и приглашать ихъ отдать свою жизнь въ дѣлѣ, которое рѣшено и предпринято не ими.

Главное различіе по вопросу о террорѣ между нами и политическими партіями заключается въ томъ, что мы вовсе не думаемъ, чтобы терроръ могъ служить средствомъ для измѣненія существующаго порядка, а видимъ въ немъ только проявленіе совершенно естественнаго чувства возмущенной совѣсти, или же самозащиты, которое, именно вслѣдствіе этого, и имѣетъ агитаціонное значеніе, способствуя развитію такого же чувства возмущенія среди народа.

IV. — Вопросъ объ организаціи.

Русскіе коммунисты-анархисты, отрицая, подобно ихъ западноевропейскимъ товарищамъ, всякія формы іерархической (лѣстничной) организаціи, свойственныя партіямъ социалистовъ государственниковъ, стремятся осуществить въ своей средѣ другой типъ организаціи на основѣ свободного соглашенія независимыхъ группъ между собою.

Необходимымъ условіемъ прочности и успѣшности такого рода организаціи является тѣсная связь всѣхъ членовъ внутри каждой отдѣльной группы, а потому полезнѣе имѣть въ городахъ и большихъ селеніяхъ нѣсколько меньшихъ группъ, объединенныхъ въ федераціи, чѣмъ одну большую группу.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя группы берутъ на себя какія нибудь спеціальныя обязанности, онѣ ни въ какомъ случаѣ не становятся комитетами, такъ какъ ихъ рѣшенія не обязательны для другихъ группъ, если онѣ съ ними несогласны.

Связь между отдѣльными группами лучше всего достигается — не черезъ посредство постоянныхъ комитетовъ заранѣе выбираемыхъ для управленія всѣми разнообразными дѣлами федераціи. Такіе комитеты всегда стремятся стать, и очень скоро становятся, какъ и всякое правительство, тормазомъ дальнѣйшаго развитія.

Гораздо лучшая связь между группами, какъ доказано опытомъ, можетъ быть достигнута путемъ особыхъ совѣщаній, созываемыхъ группами періодически въ извѣстные промежутки времени, или же по каждому данному вопросу, выдвигаемому самой жизнью, — причемъ такіа совѣщанія состояются изъ товарищей, посылаемыхъ своими группами ради данной спеціальной цѣли, и ихъ постановленія не обязательны для группъ, а могутъ быть приняты или отвергнуты ими.

Этотъ способъ организаціи лучше предохраняетъ отъ расколовъ въ партіи, чѣмъ обыкновенный способъ іерархическихъ организацій, и многолѣтній опытъ доказалъ, что вопреки господствующему мнѣнію, — между многочисленными свободными анархическими группами легче достигается соглашеніе и единство въ дѣйствіяхъ. Несмотря на отсутствіе партійной дисциплины и принужденія, различіе мнѣній по частнымъ вопросамъ не мѣшаетъ соглашенію на практической дѣятельности, — причемъ среди анархистовъ удерживается самая драгоцѣнная черта

въ революціонные періоды — именно способность личного почина.

Между тѣмъ, въ организаціяхъ лѣстничныхъ, покоряющихся центральной власти, соглашеніе бываетъ только кажущееся, и „дисциплина“ покупается многолѣтними внутренними разногласіями, при которыхъ несогласныя фракціи парализуютъ дѣятельность другъ-друга, и то что давно отжило свое время и должно было-бы уже исчезнуть, искусственно поддерживается дисциплиной и мертвитъ партію.

V. — О рабочихъ союзахъ.

Въ Россіи, какъ и вездѣ, среди анархистовъ возникаетъ вопросъ, нужно ли намъ принимать живое участіе въ рабочихъ организаціяхъ. Вопросъ этотъ, какъ показали опытъ Западной Европы, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Среди рабочихъ всего міра идетъ въ настоящее время глубокое движеніе, имѣющее цѣлью создать громадную организацію, охватывающую всѣ классы рабочихъ и организованную интернаціонально, внѣ всякихъ политическихъ партій. Другими словами, рабочіе стремятся возродить Интернаціональ шестидесятихъ годовъ въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ до тѣхъ поръ пока интриги нѣмецкихъ социальдемократовъ, желавшихъ обратитъ Интернаціональ въ политическую партію, не парализовали могучую рабочую организацію.

Рабочіе понимаютъ, что при наступленіи революціи, имъ придется сыграть главную роль, и что они, одни, въ силахъ будутъ придать ей характеръ революціи социальной. Они понимаютъ также, что могучіе профессиональные союзы, охватывающіе международно всѣхъ рабочихъ данной отрасли труда, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кадры, изъ которыхъ начнетъ вырабатываться будущій строй.

Соціалдемократы смотрятъ на рабочіе союзы, какъ на подспорье политической борьбѣ; анархисты же смотрятъ на нихъ какъ на естественные органы прямой борьбы съ капиталомъ и для склада будущаго строя — органы необходимые сами по себѣ, для своихъ, рабочихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, въ Западной Европѣ, анархисты достигли уже значительныхъ успѣховъ. Не менѣе успѣшна также наша пропаганда всеобщей стачки, которая быстро распространяется среди рабочихъ союзовъ въ Европѣ, въ Америкѣ и даже въ Австраліи*).

Значеніе всеобщей стачки для Россіи мы всѣ могли оцѣнить въ прошломъ Октябрѣ, когда даже невѣрующіе должны были убѣдиться въ ея революціонномъ могуществѣ. Но еще нужнѣе окажутся рабочіе союзы въ ближайшемъ будущемъ. Съ созывомъ Думы, многія революціонныя силы отвлекутся на созиданіе буржуазнаго строя, и рабочимъ союзамъ придется выступать, все болѣе и болѣе, какъ силѣ соціалистической или коммунистической, полагаясь лишь на самихъ себя.

Въ виду этого мы думаемъ, что мы обязаны принимать дѣятельное участіе въ жизни рабочихъ союзовъ, — не давая ихъ эксплуатировать политическимъ партіямъ и внося въ нихъ революціонную мысль вообще, стремясь создать изъ нихъ ту силу, которая могла бы приступить къ планомѣрной массовой экспроприаціи.

Въ практикѣ передъ нами возникаетъ вопросъ, — вступать ли анархистамъ въ рабочіе союзы, уже существующіе — или же стремиться создавать новые союзы на анархическихъ началахъ?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы хотѣли бы провѣрить наши соображенія результатами ра-

*) Если она не была начата во Франціи прошлаго 1-го мая, то этому помѣшало тревожное состояніе Европы. Французскіе рабочіе чувствовали, что съ минуты на минуту могла вспыхнуть война Франціи и Германіи, на которую Францію толкала Англія.